

ГЛАСНЫЕ КОНЦА ФИННО-УГОРСКОЙ ОСНОВЫ СЛОВА В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ

Мосин Михаил Васильевич,

*доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорской филологии
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ), kafful@mail.ru*

Мосина Наталья Михайловна,

*доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорской филологии
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ), natamish@rambler.ru*

Статья посвящена описанию особенностей системы гласных конца финно-угорской основы слова в мордовских языках. Учитывая общепризнанные мнения в финно-угорской лингвистике о том, что прибалтийско-финские (особенно финский) и саамский языки лучше других родственных языков сохранили вокализм языка основы, именные и глагольные основы финно-угорского происхождения мордовских языков рассматриваются в плане сравнения с их этимологическими соответствиями финского и эстонского языков.

Именные и глагольные основы современных мордовских языков, послужившие материалом исследования, подвергнуты сравнительно-историческому анализу с их этимологическими соответствиями в прибалтийско-финских (финском и эстонском) языках.

Анализ данных основ на основе сравнительно-исторического метода дает возможность установить, во-первых, сохранившуюся генетическую общность в звуковом составе конца основы, во-вторых, выявить существенные изменения, возникшие в результате обособленного развития мордовских языков, а также раскрыть экстралингвистические и внутриязыковые причины их появления.

На основе систематизации и подробного описания состава гласных конца основы установлены фонетические соответствия. В результате выпадения гласных возник ряд изменений в структуре древней основы.

Ключевые слова: мордовские языки; сравнительный анализ; основа слова; финский язык; эстонский язык; вокализм.

Для цитирования: Мосин М. В., Мосина Н. М. Гласные конца финно-угорской основы слова в мордовских языках // Финно-угорский мир. 2019. № 1. С. 14–23.

Введение

Благодаря многочисленным исследованиям в финно-угроведении общепризнанно, что основа (корень) слова, кроме местоимений, отрицательного глагола и ономатопоэтических слов, была двусложной и оканчивалась на краткие гласные *a*, *ä* и *e* (?*e*) [8, 192; 9, 53; 10, 25; 11, 18]. Однако при сравнении реконструированных форм основы праязыка с их этимологическими соответствиями в языках-потомках обнаруживаются существенные изменения. Такое состояние первичной финно-угорской основы наблюдается и в современных мордовских (мокшанском и эрзянском) языках [4, 302; 5, 143].

Несмотря на то, что в непервых слогах двусложной финно-угорской основы слова употребление гласных было ограничено, исследователи отмечают ограниченность или даже отсутствие закономерных звуковых соответствий между ними.

В связи с этим В. И. Лыткин указывает: «...проблема вокализма непервого слога весьма актуальна, поскольку без ее решения невозможна дальнейшая разработка не только исторической фонетики, но и исторической морфологии (вопросы огласовки суффиксов, вокализм сложных слов, отпадение конечных гласных, влияние гласных второго слога на гласные первого слога и т. д.) [7, 221].

Обзор литературы

Изучение фонетической системы как и других уровней финно-угорских языков имеет более 100-летнюю историю. За этот период вышли обобщающие исследования таких финно-угроведов, как Е. Н. Сетяля [27], Й. Синнеи [29], Х. Паасонен [23], В. Штейниц [28], Э. Итконен [19; 20], П. Коллиндер [16], В. И. Лыткин [8] и др. Вопросам возникновения и развития фонетических особенностей в области вокализма и консонантизма, а также целым фонетическим системам отдельных финно-угорских языков или языковых семей посвящены работы А. Генеца [17], Л. Кеттунена [22], Л. Пости [25; 26], Л. Хакулинен [12], П. Аристэ [2], Л. Лаанеста [6], П. Алвре [13; 14], Д. В. Цыганкина¹, Й. Янхунена [21], Г. И. Ермушкина [3] и др.

Материалы и методы

Материалом для данного исследования послужили именные и глагольные основы финно-угорского происхождения, сохранившиеся в сравниваемых языках. Именные и глагольные основы в современных мордовских языках подвергнуты сравнительно-историческому анализу с их этимологическими соответствиями в прибалтийско-финских (финском и эстонском) языках. В ходе исследования используется сравнительно-исторический метод анализа материала.

Результаты исследования и их обсуждение

Подробное изучение развития системы гласных конца основы слова (определены их историческая общность, выявлены различия, возникшие в сравниваемых языках в результате обособленного развития, определены причины, преобразовавшие структуру прафинно-угорской основы) в мордовских языках и сравнительное описание структуры финно-угорских именных и глагольных основ в мордовских языках дало возможность сделать вывод, что после распада финно-волжского единства в системе вокализма конца финно-

угорской основы произошли различные фонетические явления, которые заметно изменили структуру слова.

В финно-угорском праязыке непродвиженная основа (корень) слова состояла из двух слогов и оканчивалась на краткие иллабиальные гласные **a*, **ä*, **e* (?*e*) [8, 192; 9, 55; 30, 116]. В процессе исследования гласных непервого слога в финно-угорских языках выяснилось, что в праязыке было приблизительно одинаковое количество *e*-вых и *a* (*ä*)-вых основ. В связи с этим Генец, анализируя звуковые соответствия между мордовскими языками, с одной стороны, и прафинно-угорскими – с другой, установил следующие закономерности:

а) в словах с *e*-вой финно-угорской основой конечный гласный звук в мордовских языках закономерно выпадает, если между гласными первого и второго слогов стоит одинарный согласный, например:

- мд. *ked*’, ф. *käsi* (*käde*-) ‘рука’;
- мд. *kel*’, ф. *kieli* (*kiele*-) ‘язык’;
- мд. *kuz*, ф. *kuusi* (*kuuse*-) ‘ель’;
- мд. *mel*’, ф. *mieli* (*miele*-) ‘желание’;
- мд. *ved*’, ф. *vesi* (*vede*-) ‘вода’;

б) первоначальный конечный *a* в мордовских языках появляется в виде *o* или в отдельных случаях сохраняется:

- мд. *kudo* ‘дом’, ф. *kota* ‘шалаш’;
- мд. э. *s’ado*, ф. *sata* ‘сто’;
- мд. *oža*, ф. *hiha* ‘рукав’;

в) финно-угорскому конечному *ä* соответствует мордовский *e*, например:

- мд. *kize*’, ф. *kesä* ‘лето’;
- мд. *pize*’, ф. *pesä* ‘гнездо’ [17, 15].

Рассматривая вокализм непервого слога финно-угорских языков, Лыткин отмечает, что различие между двумя основами лучше всего сохранилось в прибалтийско-финских (в частности, в финском) и саамском (в частности, в его западных диалектах) языках. Праязыковой конца основы **a* (**ä*) присутствует в современном финском языке, а звук **e* в абсолютном конце слова еще в прибалтийско-финский период изменился в *i*, но при словообразовании и словоизменении он восстанавливается: *veri* ‘кровь’ – *vere-ssä* ‘в крови’, *nuoli* ‘стрела’ – *nuole-lla* ‘стрелой’².

¹ См.: Цыганкин Д. В. Мордовские языки // Мордва: историко-этногр. очерки. Саранск, 1981. С. 50–58.

² См.: Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. С. 222.

В предлагаемой статье проанализировано, в каком состоянии находятся гласные конца финно-угорской основы в мордовских языках, что в них общего с финским и эстонским языками, каковы отличительные особенности фонетических явлений в системе гласных, наконец, как повлияло на фонетическую структуру основы слова в целом изменение отдельных гласных в мордовских языках в сравнении с прибалтийско-финскими. На основе достижений сравнительного финно-угроведения были определены общие закономерности и выявлены причины возникновения отклонений от них.

В зависимости от того, на какой гласный оканчивалась финно-угорская основа, в рассматриваемых языках можно выделить следующие особенности соотношения гласных непроемной основы.

1. Если финно-угорская основа оканчивалась на гласный **a*, в мордовских языках вместо него выступают *a*, *e* (*e*) / *ä*, в прибалтийско-финских – ф. *ä*, эст. *a*, например:

ф.-у. **ic'ä* ‘отец’ > мд. *oc'a* ‘брат отца’, ф. *isä*, эст. *isa* ‘отец’; ф.-у. **jika* / **ikä* > мд. *ije* ‘год’, ф. *ikä*, эст. *iga* ‘возраст, век’;

ур. **kämä* > мд. *keme* / *kemä*, ф. *kämä* ‘твердый, крепкий’;

ф.-у. **kesä* ‘лето’ > мд. *kize* / *kiza* ‘лето, год’, ф. *kesä* ‘лето’, эст. *kesa* ‘пар’;

ур. **pesä* > мд. *pize* / *piza*, ф. *pesä*, эст. *pesa* ‘гнездо’;

ф.-у. **perä* ‘задняя часть’ > мд. *pr'a*, диал. *pir'a* ‘голова’, ф. *perä*, эст. *pärä* ‘задняя часть’;

ф.-п. **külmä* > мд. *kel'me* / *kel'mä*, ф. *kylmä* ‘холод, холодный’ и т. д.

Следует отметить, что в североэстонском и южноэстонском диалектах вместо литературного *a* выступает *ä*, ср.:

э. *pesa*, с.-эст. *pesä* ‘гнездо’;

э. *süda*, с.-эст. *südä* ‘сердце’;

э. *isa*, ю.-эст. *ezä* ‘отец’.

В данной группе основ обращает на себя внимание тот факт, что в абсолютном большинстве случаев в первом слого у них выступают гласные *e* и *i*.

2. Если финно-угорская основа оканчивалась на гласный **a*, в мордовских языках вместо него выступают *o* / *a* (общемд. **o*),

в некоторых случаях гласный выпадает, а в финском и эстонском языках **a* сохраняется без изменения, ср.:

ур. **ala* ‘нижний, нижняя часть’ > мд. *alo* / *ala* ‘внизу’, ф. *ala* ‘место, область’, ф.-у. **ora* ‘шило’ > мд. *uro* / *ura* ‘шило’, ф. *ora* ‘колючка, шип’, эст. *ora* ‘бурав, сверло, шило’ < и.-е. санскр. *ārā* ‘шило’;

ур. **kala* > мд. *kal*, ф., эст. *kala* ‘рыба’; ф.-у. **kota* ‘шалаш’ > мд. *kudo* / *kud* ‘дом’, ф. *kota* ‘шалаш’, эст. *koda* ‘сени, дом’;

ур. **kopa* ‘кора, корка’ > мд. *kuvo* / *kuva* ‘корка’, эст. *kõba* ‘сосновая кора’;

ф.-у. **s'ata* > мд. *s'ado* / *s'ada*, ф. *sata*, эст. *sada* ‘сто’;

ур. **maksä* > мд. *makso* / *maksa*, ф. *maksa*, эст. *maks* (*maksa-*) ‘печень’ и т. д.

Финно-угорские гласные **ä* и **a* конца основы подверглись изменениям также в водском и ливском языках.

3. Если финно-угорская основа оканчивалась на гласный **e*, в финском и эстонском языках в номинативе единственного числа он перешел в *i*. В мордовских в этих основах произошли заметные изменения. В основах типа CVCV в большинстве случаев этот гласный выпал, в основах типа VCCV и CVCCV во многих случаях **e* сохранился и имеет следующие корреспонденции:

а) если в первом слого слова стоит гласный заднего ряда, то вместо ф.-у. **e* в мордовских выступают *o* / *ə*, *ä* (общемд. **o*), ср.:

ф.-у. **olge* ‘солома’ > мд. *olgo* / *olgə*, ф. *olki*;

ф.-у. **kakte* > мд. *kavto* / *kafta*, ф. *kaksi* ‘два’;

б) если в первом слого слова стоит гласный переднего ряда, то вместо ф.-у. **e* выступает *e* / *ä* (общемд. **e*), ср.:

ф.-у. **künče* > мд. *kenže* / *ken^džä*, ф. *kynsi* ‘ноготь’;

ф.-у. **mälke* / **mälve* > мд. м. *mäl'kä* ‘грудь’, ф. *mälvi* ‘грудь (птицы)’;

мд. *s'es'ke* / *s'äskä*, ф. *sääski* ‘комар’ и т. д.

В финском и эстонском языках в некоторых двусложных основах произошло изменение конечных гласных **e* и **e*.

Финно-угорский *e трансформировался в финском в у, в эстонском в ü или в обоих языках в õ, а e перешел в и, ср.:

а) ур. *kije / *küje ‘змея’ > ф. куу ‘гадюка’, эст. küü ‘медянка’;

доперм. *nške > ф. нуку ‘настоящий’, эст. nüüd ‘сейчас’;

ур. *pije / *pije ‘рябчик’ > ф. руу > эст. piü ‘куропатка’;

ф.-у. *eje / *üje > ф. уö, эст. öö ‘ночь’;

ф.-в. *teve ‘дело’ > ф. työ, эст. töö ‘работа, труд’;

б) ур. *kuje > ф., эст. куи ‘месяц’;

ур. *luve > ф., эст. луи ‘кость’;

ф.-у. *kije ‘жир’ > ф. куи ‘жир, сало’;

ф.-у. *šuje ‘душа, призрак, тень’ > ф. kuhiinpurema ‘синее пятнышко на коже’.

Вероятно, трансформация *e в у, ü, õ и *e в и произошла под влиянием губной гласной первого слога [12, 15].

Возможно, в данном явлении определенную роль сыграли также согласные середины слова η, v и полугласный j. При наличии других согласных такого перехода не наблюдается, ср.:

ф.-у. *lume > ф., эст. lumi (lume-) ‘снег’; доперм. *müzš > ф. нуде / ните ‘подпорка’;

ур. *tule > ф., эст. tuli (tule-) ‘огонь’ и т. д.

Наряду с соответствиями, имеющими реконструированную модель первичной финно-угорской основы, в мордовских и прибалтийско-финских языках выявлено значительное число этимологически достоверных соответствий, у которых структурная модель первичной основы до сих пор не определена.

Исходя из положения о том, что конечный гласный основы *e еще в прибалтийско-финский период перешел в i, можно предположить, что выявленные общие основы с конечным i в финских соответствиях имели первичную основу с конечным *e. К ним можно отнести:

мд. vid’e ‘прямой, верный’, ф. oikea, oiki, oikinen ‘правильный, верный’ < ф.-в. *oike ‘прямой’;

мд. seme / s’äme ‘щетка для расчесывания мочки’, эст. semm (род. semmi) ‘дуга для биения шерсти’ < ф.-в. *seme / *seje,

ср.: к. сынан, удм. сын ‘гребень для расчесывания волос’ < общеперм. *suŋ-.

Такая реконструкция части основ приводится в кратком этимологическом словаре коми языка. Например:

к. nera ‘торосы’, мд. pir’e ‘огород, сад’, ф. piiri ‘круг, район’ < общеперм. *per- < доперм. *pire-;

к. буч, мд. paro ‘добрый, хороший’, ф. paras ‘наилучший’ < доперм. *para ‘хороший’.

Этимологические данные показывают, что в отличие от пермских и марийского языков мордовские, как и прибалтийско-финские, лучше сохранили конечный гласный финно-угорской основы слова.

В преобразовании одноморфемной финно-угорской основы в сравниваемых языках наиболее существенным явилось выпадение конечных гласных. Как и в других родственных языках, в мордовских и эстонском этот процесс повлек целый ряд явлений в структуре первичной основы: образование односложных основ, упрощение сочетаний согласных, выпадение одинарных согласных.

Для мордовских и эстонского языков самым распространенным явлением, возникшим в результате выпадения конечных гласных, является появление односложных слов. Причем общим для этих языков является то, что конечный гласный исчез в непроизводных двусложных основах на *e. Анализ фонетической структуры непроизводных именных основ всех типов позволяет заключить, что выпадение конечных гласных в номинативе единственного числа имеет следующие особенности.

В мордовских языках выпал конечный гласный в номинативе единственного числа в большинстве случаев в словах со структурой CVCV, имевших в исходе финно-угорской основы гласный *e, в первом слоге которых выступают в основном гласные e / ä или o (< *u):

а) примеры на e / ä:

ф.-у. *jäje > мд. ej, диал. eŋ / äŋ, ф. jää, эст. jää ‘лед’;

ур. *kēle > мд. kel’ / kal’, ф. kieli, эст. keel ‘язык’;

ф.-у. *käte > мд. ked’ / käd’, ф. käsi, эст. käsi ‘рука’;

ф.-п. **mēle* ‘ум, настроение’ > мд. *mel’ / mäl’* ‘желание, настроение’, ф. *mieli*, эст. *meel* ‘чувство’;

ф.-у. **sile / *süle* ‘сажень’ > мд. *sēl’ / s’el’*, ф. *syli*, эст. *süli* ‘сажень, грудь’;

б) примеры на *o* (< **u*): ф.-у. **ud’ē / *wud’ē* > мд. *od*, ф. *unsi*, эст. *uus* ‘новый’;

ур. **kuņe* ‘месяц’ > мд. *kov*, диал. *koņ*, ф. *kuu*, эст. *kuu* ‘месяц, луна’;

ф.-у. **lumē* > мд. *lov*, диал. *loņ*, ф. *lumi*. эст. *lumi* ‘снег’;

ф.-у. **poņe* > мд. диал. *rov* ‘пазуха’, ф. *povi* ‘грудь’, эст. *põu* ‘пазуха’;

ф.-у. **tule* > мд. *tol*, ф. *tuli*, эст. *tuli* ‘огонь’ и т. д.

В эстонском языке выпадение конечного гласного основы характерно при условии, что первый слог был первоначально долгим (содержал долгий гласный, дифтонг, либо заканчивался гласным), а второй – открытым [6, 43]. По мнению А. Буссениуса, в прибалтийско-финском языке-основе действовал звуковой закон, по которому конечный гласный основы исчез во всех двусложных словах на *-e*, если к ним присоединился начинающийся с согласного суффикс, образующий слог [15, 65].

Нами зафиксированы 18 общих мордовских и эстонских основ с выпадением конечного гласного:

ур. **kēle* > мд. *kel’ / käl’*, эст. *keel* ‘язык’;

ур. **δ’ēme* > мд. *l’om*, эст. *toom* ‘черемуха’;

ф.-у. **l’ēme* ‘сок, суп’ > мд. *l’em / l’äm*, эст. *leem* ‘суп, бульон’;

доперм. **nške* > мд. э. *n’ej*, диал. *n’ej*, эст. *nüüd* ‘теперь’;

ф.-у. **pēle* ‘косяк’ > мд. м. диал. *päl* ‘шест’, эст. *peel* ‘мачта, жердь’ и т. д.

Иная закономерность наблюдается с гласными непервого слога в основах со структурой VCCV и CVCCV. В мордовских языках при основах на **a*, **ä*, **e* конечный гласный в номинативе единственного числа сохранился почти во всех случаях, в эстонском же отмечается его выпадение в большинстве основ:

а) примеры на *a* и *ä*:

ф.-у. **jalka* ‘нога’ > мд. *jalgo / jalga* ‘пешком’, ф. *jalka*, эст. *jalg* ‘нога’;

ф.-п. **külmä* > мд. *kel’me / kel’mä*, ф. *kylmä*, эст. *külm* ‘холод, холодный’;

ур. **s’ilmä* > мд. *s’el’me / s’el’mä*, ф. *silmä*, эст. *silm* ‘глаз’;

ф.-у. **kunta* ‘род’ > мд. м. диал. *kun’d’ä* ‘товарищ, друг’, ф. *kunta*, эст. *kond* ‘общество, волость’;

ур. **maksa* > мд. *makso / maksa*, ф. *maksa*, эст. *maks* ‘печень’;

ф.-у. **s’od’ka* > мд. *s’ulgo / s’ulgä* ‘нырок’, ф. *sotka*, эст. *sõtkes* ‘пестрая чайка’;

б) примеры на *e*:

ф.-у. **ikte / *ükte* > мд. *vejke / fkä*, ф. *yksi*, эст. *üks* ‘один’;

ур. **künče* > мд. *ken^dže / ken^džä*, ф. *kynsi*, эст. *küüs* ‘ноготь’;

ф.-у. **mälke / *mäläe* ‘грудь’ > мд. м. диал. *mäl’kä* ‘грудь’, ф. *mälvi*, эст. *mälv* ‘грудь (птицы)’;

ф.-у. **kolme* > мд. *kolmo / kolma*, ф. *kolmo*, эст. *kolm* ‘три’.

Следует отметить, что в генитиве финно-угорские основы как в эстонском, так и в мордовских языках во всех случаях восстанавливают исчезнувший гласный **e*, ср.:

доперм. **korz* > мд. *kar’* ‘лапоть’ – род. *kar’en’t* (указат. скл.), эст. *koor* ‘кора’ – род. *koore-*;

ф.-у. **l’ēme* ‘суп, сок’ > мд. *l’em* ‘жир, суп’ – род. *l’emen’t* (указат. скл.), эст. *leem* ‘суп’ – род. *leeme-*;

ф.-п. **m’ēle* ‘ум, настроение’ > мд. *mel’* ‘настроение, желание’ – род. *mel’en’t* (указат. скл.), эст. *meel* ‘желание’ – род. *meele* и т. д.

В основах со структурой CVCCV в мордовских языках выпадение конечного гласного в номинативе единственного числа зафиксировано только в 5 случаях. Анализ фонетической структуры этих основ показывает, что в финно-угорском языке они оканчивались на гласный **e*, следовавший за фрикативными *s* или *š*, ср.:

ф.-у. **mekš(e)* > мд. *mekš / meš*, ф. *mehiläinen*, эст. *mesilane* ‘пчела’;

ф.-у. **sikse* > мд. э. *s’oks’*, ф. *syksy*, эст. *sügis* ‘осень’;

ур. **sukse* > мд. *soks*, ф. *suksi*, эст. *suks* ‘лыжа’;

ур. **kowse* > мд. *kuz*, ф. *kuusi*, эст. *kuusk* ‘ель’.

Наряду с установленными фонетическими закономерностями в области глас-

ных звуков непервого слога между мордовскими и прибалтийско-финскими языками в процессе анализа обнаруживается ряд отклонений. Лыткин по этому поводу отмечает, что в отдельных языках имеются отступления от обычных соответствий, появившихся в результате влияния одних основ на другие. В одних случаях этих отклонений больше, в других – меньше³.

В мордовских, финском и эстонском языках в двусложной именной основе можно отметить следующие отклонения.

Основы, в которых в мордовских языках вместо закономерного *e* или \emptyset выступает *a*, *o/ä*, \hat{a} ср.:

ф.-у. **olke* > мд. *olgo* / *olgä* ‘солома’, ф. *olki*, эст. *õlg* ‘соломинка’;

ф.-у. **kutte* > мд. *koto* / *kotä*, ф. *kuusi*, эст. *kuus* ‘шесть’;

мд. *s'ovon* / *s'ovän*, ф. *savi*, эст. диал. *savi* ‘глина’;

доперм. **tsmz* > мд. *tumo* / *tumä*, ф. *tammi*, эст. *tamm* ‘дуб’ и т. д.

В мордовских языках слова *vid'e* ‘прямой, верный’, *seme* / *s'äme* ‘щетка для расчесывания мочки’, *ve* ‘ночь’, *pin'e* / *pin'ä* ‘собака’, *kuja* ‘жир, сало’, *rovov* ‘рябчик’ в номинативе единственного числа сохранили конечный гласный основы, т. е. имеют четырехэлементную структуру CVCV, несмотря на то, что их финно-угорская праформа оканчивалась на **e*-вый гласный. Вероятно, в данных основах конечный гласный **e* сохранился под влиянием слов, имеющих в номинативе единственного числа *a*, *o/ä*, \hat{a} .

3. В структурах типа CVCV случаи выпадения конечного гласного в номинативе единственного числа в мордовских языках наблюдаются не только при основах на **e*, но и при основах на **ä* и **a*. Из 64 основ с нулевой огласовкой в 5 выпал конечный гласный **ä*, в 15 – гласный **a*, ср.:

а) примеры на **ä*:

ф.-у. **juvä* / **jevä* ‘злак’ > мд. *juv* ‘мякина, ость’, ф. *juvä*, эст. *iva*, ю.-эст. *jüvä* ‘зерно’ < и.-е. **jevo*, санскр. *jäva* ‘жито, ячмень’;

ур. **pälä* > мд. *pel'* / *päl'* ‘сторона, половина’, ф. *pieli* (*piele-*): *suupieli* ‘угол рта’;

ур. **niñä* ‘женщина, жена’ > мд. э. диал. *n'i* ‘жена’;

доперм. **sünjā* > мд. э. диал. *čiv*, ф. *huuä*, эст. *hea* ‘хороший’;

ур. **wülä* ‘верхний’ > мд. э. *vel'*: *vel'-ks* ‘верх, крышка’, *vel't* ‘очень’, ф. *ylä-*: *yil-lä* ‘над, выше’, эст. *üla* – ‘верхний’;

б) примеры на **a*:

ур. **kala* > мд. *kal*, ф. *kala*, эст. *kala* ‘рыба’;

ур. **pala* > мд. *pal*, ф. *pala*, эст. *pala* ‘кусочек’;

ф.-п. **sōla* > мд. *sal*, ф. *suola*, эст. *sool* ‘соль’: мд. *čov* / *šov* ‘пена’, ф. *hiiva*, эст. *hiiv* ‘пена, дрожжи’;

мд. *vaz*, ф. *vasa*, эст. *vasik* ‘теленочек’ и т. д.

Случаи отклонения от закономерных отношений в процессе выпадения конечной гласной в номинативе единственного числа наблюдаются и в прибалтийско-финских языках. Наряду с финно-угорскими основами на **e* в эстонском языке потеряли конечный гласный также слова, которые оканчивались в праязыке на гласные **a* или **ä*, например:

эст. *laam* ‘расширенный’, мд. *lamo* / *lama* ‘много’, ф. *laama* ‘величина’;

эст. *päkk* ‘мякоть большого пальца’, мд. э. *peke* ‘живот’, ф. *päkkä* < доперм. **päkkä*;

эст. *tuur* ‘копье для ломки льда’, мд. *toro* ‘обрядовый нож’, ф. *tuura* ‘копье’;

эст. *kupp* ‘шишка, волдырь’, мд. *kopa* ‘шишка’, ф. *kuppa* ‘пузырь’: эст. *poeg* ‘сын’, мд. э. *pijo* / *bijo* ‘внук’, ф. *poika* ‘сын’ < ф.-у. **poika* ‘сын, мальчик’; эст. *sool*, мд. *sal*, ф. *suola* < ф.-п. **sōla* ‘соль’.

Заключение

На основе систематизации и подробного описания состава гласных конца основы установлены следующие соответствия:

1) финно-угорскому конечному **ä* в мордовских языках соответствуют *a*, *e* (*ē*), *ä*, в финском – *ä*, в эстонском – *ä* (ю.-эст. и с.-эст. – *a*). В данной группе основ в первом слоге слова в абсолютном большинстве случаев выступают гласные *e* и *i*;

2) финно-угорскому конечному **a* в мордовских соответствуют *o* / *a*, [\hat{a}] (< общемд. **ä*), в отдельных основах – \emptyset ; в фин-

³ См.: Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Указ. соч.

ском и эстонском *a* сохраняется без изменения;

3) финно-угорский **e* в мордовских языках имеет различные корреспонденции:

а) в основах типа *CVCV* закономерно выпадает (в финском и эстонском в номинативе единственного числа *e* переходит в *i*, но при словоизменении и словообразовании восстанавливается);

б) в основах типа *VCCV* и *CVCCV* в большинстве случаев **e* сохраняется и прослеживаются следующие закономерности: если в первом слоге стоит гласный заднего ряда, то вместо **e* выступают беглые *o* / [ə] > *ä* (< общемд. **o*); если в первом слоге гласный переднего ряда, то вместо **e* выступает беглый *e* / *ä* (< общемд. **e*).

В преобразовании одноморфемной финно-угорской основы наиболее существенным явилось выпадение конечных гласных. Среди сравниваемых языков данный процесс в определенных фонетических положениях характерен для

мордовских, эстонского и юго-западного диалекта финского языка. В результате выпадения гласных возник целый ряд изменений в структуре древней основы. Самым распространенным явлением, развившимся в результате выпадения конечных гласных, в мордовских языках стало формирование односложных слов типа *CVC*.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>доперм.</i> –	допермский язык
<i>и.-е.</i> –	индоевропейский язык
<i>к.</i> –	коми язык
<i>лит.</i> –	литературный язык
<i>м.</i> –	мокшанский язык
<i>мд.</i> –	мордовские языки
<i>общемд.</i> –	общемордовский язык
<i>общеперм.</i> –	общепермский язык
<i>с.</i> –	саамский язык
<i>с.-эст.</i> –	северо-эстонский диалект
<i>ур.</i> –	уральский язык
<i>ф.</i> –	финский язык
<i>ф.-в.</i> –	финно-волжский язык
<i>ф.-п.</i> –	финно-пермский язык
<i>ф.-у.</i> –	финно-угорский язык
<i>фолькл.</i> –	фольклорное
<i>э.</i> –	эзянский язык
<i>эст.</i> –	эстонский язык
<i>ю.-эст.</i> –	южно-эстонский диалект

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Альвре П. О некоторых общих и отличительных чертах консонантизма в прибалтийско-финских и пермских языках // Вопросы финно-угроведения. Языковедение: тез. докл. XVI Всесоюз. конф. финно-угроведов. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР. 1979. С. 3.
- Аристэ П. А. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин: Эстон. гос. изд-во. 1956. С. 5–48.
- Ермушкин Г. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык). Москва: Наука, 1984. 142 с.
- Иванова Г. С. Исторические изменения в фонетическом составе гласных первого слога в мокшанском языке // Вестник Чувашского университета. 2018. № 2. С. 301–307.
- Иванова Г. С. Реализация финно-угорского гласного **e* конца основы в мокшанском языке. Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 4 (32). С. 141–145.
- Лаанест А. О. Прибалтийско-финские языки // Основы финно-угорского языковедения. Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки. Москва, 1975. С. 3–121.
- Лыткин В. И. О вокализме непервого слога финно-угорских языков // Советское финно-угроведение. 1970. № 4. С. 221–238.
- Лыткин В. И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков // Основы финно-угорского языковедения. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. С. 108–213.
- Мосин М. В. Особенности эволюции гласных первого слога финно-угорской основы слова в мордовских языках // Финно-угорский мир. 2018. № 3. С. 53–63.
- Новак И. П. Становление альтернативной системы согласных карельской диалектной речи. Петрозаводск, 2014. 220 с.
- Попова Р. П. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования): монография. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. 272 с.

12. Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. Ч. I. Фонетика и морфология. М.: Изд-во иностр. лит., 1953. 283 с.
13. Alvre P. Uraali keelte ajaloolise foneetika harjutus-ülesanded ja materjalid. Väl. 1. Üksikkonsonandid. Tartu: Riiklik Ülikool, 1985. 110 c.
14. Alvre P. Urali keelte ajaloolise foneetika harjutus-ülesanded ja materjalid. Väl. 2. Konsonantühendid. Tartu: Riiklik Ülikool, 1985. 116 c.
15. Bussenius A. Zur ostseefinnischen Morphologie: Stammesalteration um Ostseefinnisohen. Berlin; Leipzig, 1939.
16. Collinder B. Comparative Grammar of the Uralic Languages. Stockholm: Almqvist & Wiksell. 1960. 425 p.
17. Genetz A. Ensi tavun vokaalit suomen, lapin ja mordvan kaksi ja useampitavuisissa sanoissa // Eripainos aikakauskirjasta "Suomesta". Helsingissä: SKS, 1896.
18. Häkkinen K. Johdatusa fenno-ugristiikkaan. Turku: Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitie-teen laitoksen opintomonisteita 10, 1980.
19. Itkonen E. Die Laut-und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache // UAJb. Wiesbaden, 1962. Bd. 24. 199–201.
20. Itkonen E. Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in dem finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen // Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki, 1946. Bd. 29, h. 1–3. P. 222–337.
21. Janhunen J. On the structure of Proto-Uralic // FUF. 1982. Bd. 44, h. 1–3. P. 23–42.
22. Kettunen L. Eestin kielen äännehistoria. Kolmas painos // SEST. Helsinki, 1962. Bd. 156. 218 s.
23. Paasonen H. Beiträge zur finnisch-ugrisch-samojedischen Lautgeschichte / Comité hongrois de l'Association Internationale pour l'Exploration de l'Asie Centrale et de l'Extrême – Orient 1916/17. Budapest, 1916. 111 s.
24. Paasonen H. Mordwinische Lautlehre: akademische Abhandlung / Société Finno-Ougrienne. Helsingfors, 1893. 123 s.
25. Posti L. From Pre-Finnic to Late Proto-Finnic: Studies on the Development of the consonant system // Finnisch-Ugrische Forschungen, 1953. Bd. 31. P. 1–91.
26. Posti L. Grundzüge der livischen Lautgeschichte // SUST. Helsinki, 1942. 85 s.
27. Setälä E. N. Yhteissuomalainen äännehistoria. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1899. 446 s.
28. Steinitz W. Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus // Acta Instituti Hungarici Universitatis Holmiensis Series B. Linguistica: 2. Vol. 98 (n. F. 23). 1944. № 3/4. P. 405–407.
29. Szinnyei J. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Leipzig: Walter De Gruyter, 1922. 133 p.
30. Zhivlov M. Studies in Uralic vocalism III // Вестник РГГУ. Серия: Филологические науки. Языкознание. Вопросы языкового родства. 2014. № 16 (138). С. 113–148.

Поступила 15.04.2019, опубликована 12.08.2019

VOWELS OF THE END OF FINNO-UGRIC WORD BASIS IN THE MORDOVIAN LANGUAGES

Mihail V. Mosin,

*Doctor of Philology, Professor, Department of Finno-Ugric Philology,
Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia), finugor@rambler.ru*

Natalya M. Mosina,

*Doctor of Philology, Professor, Department of Finno-Ugric Philology,
Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia), natamish@rambler.ru*

The article describes the characteristics of the system of vowels of the end of the Finno-Ugric word base in the Mordovian languages. Considering generally accepted opinions in Finno-Ugric linguistics that the Baltic-Finnish (especially Finnish) and Sami languages preserved the vocalism of the basis language, the nominal and verbal foundations of the Finno-Ugric origin in the Mordovian languages is better than other related languages in terms of comparison with their etymological correspondences of Finnish and Estonian languages.

The nominal and verbal foundations of the modern Mordovian languages, which served as the material for the study, are subjected to comparative historical analysis with their etymological correspondences in the Baltic-Finnish (Finnish and Estonian) languages.

The analysis of these fundamentals based on the comparative historical method makes it possible to firstly, establish, the preserved genetic community in the sound composition of the end of the basis, secondly, identify significant changes resulting from the isolated development of Mordovian languages, as well as to reveal their extralinguistic and internal language reasons of their appearances.

The authors established phonetic correspondences based on the systematization and detailed description of the composition of the vowels of the end of the base. As a result of the loss of vowels, a number of changes occurred in the structure of the ancient base.

Key words: Mordovian languages; comparative analysis; word basis; Finnish language; Estonian language; vocalism.

For citation: Mosin MV, Mosina NM. Vowels of the end of Finno-Ugric word basis in the Mordovian languages. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2019; 1: 14–23. (In Russian)

REFERENCES

1. Alvre P. About some common and distinctive features of the consonant system in Finnic, and Permian languages. *Voprosy finno-ugrovedeniia. Yazykoznanie* = Issues of Finno-Ugric studies. Linguistics. Syktyvkar; 1979: 3. (In Russian)
2. Ariste PA. Formation of the Baltic-Finnish languages and the oldest period of their development. *Voprosy ehnticheskoi istorii ehstonskogo naroda* = Ethnic history of the Estonian people. Tallin; 1956: 5–48. (In Russian)
3. Ermushkin GI. Areal studies on eastern Finno-Ugric languages (Erzya-Mordovian language). Moskva; 1984. (In Russian)
4. Ivanova GS. Historical changes in the phonetic composition of vowels of the first syllable in Moksha language. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* = Bulletin of the Chuvash University. 2018; 2: 301–307. (In Russian)
5. Ivanova GS. Implementation of the Finno-Ugric vowel *e of the base in Moksha. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* = Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. 2017; 4 (32): 141–145. (In Russian)
6. Laanest AO. Baltic-Finnish languages. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniiya. Pribaltijsko-finskie, saamskie i mordovskie yazyki* = Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Baltic-Finnish, Sami and Mordovian languages. Moskva; 1975: 3–121. (In Russian)
7. Lytkin VI. On the vocalism of the non-first syllable of the Finno-Ugric languages. *Sovetskoe finno-ugrovedeniie* = Soviet Finno-Ugric Studies. 1970; 4: 221–238. (In Russian)
8. Lytkin VI. Comparative phonetics of Finno-Ugric languages. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniiya. Voprosy proiskhozhdeniia i razvitiia finno-ugorskih iazykov* = Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. The origin

- and development of the Finno-Ugric languages. Moskva; 1974: 108–213. (In Russian)
9. Mosin MV. Features of the evolution of vowels of the first syllable of the Finno-Ugric word base in Mordovian languages. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric world. 2018; 3: 53–63. (In Russian)
 10. Novak IP. Formation of the alternative system of consonants of Karelian dialect speech. Petrozavodsk; 2014. (In Russian)
 11. Popova RP. Phonetic and morphological features of Komi dialects (comparative aspect of the study). Monograf. Syktyvkar; 2014. (In Russian)
 12. Hakulinen L. The development and structure of the Finnish language. Part I. Phonetics and morphology. Moskva; 1953; 1. (In Russian)
 13. Alvre P. Uraali keelte ajaloolise foneetika harjutus-ülesanded ja materjalid. Tartu; 1985; 1. (In Estonian)
 14. Alvre P. Uraali keelte ajaloolise foneetika harjutus-ülesanded ja materjalid. Tartu; 1985; 2. (In Estonian)
 15. Bussenius A. Zur ostseefinnischen Morphologie: Stammesalteration im Ostseefinnischen. Berlin; Leipzig, 1939. (In German)
 16. Collinder B. Comparative Grammar of the Uralic Languages. Stockholm; 1960. (In English)
 17. Genetz A. Ensi tavun vokaalit suomen, lapin ja mordvan kaksi ja useampitavuisissa sanoissa. *Eripainos aikakauskirjasta "Suomesta"*. Helsingissä; 1896. (In Finnish)
 18. Häkkinen K. Johdatusa fenno-ugristiikkaan. Turku; 1980. (In Finnish)
 19. Itkonen E. Die Laut- und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache. *UAJb*. 1962; 24: 199–201. (In German)
 20. Itkonen E. Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in dem finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen. *FUF*. 1946; 29: 222–337. (In German)
 21. Janhunen J. On the structure of Proto-Uralic. *FUF*. 1982; 44: 1–3: 23–42. (In English)
 22. Kettunen L. Eestin kielen äännehistoria. Kolmas pianos. *SEST*. Helsinki, 1962; 156. (In Finnish)
 23. Paasonen H. Beiträge zur finnisch-ugrisch-samojedischen Lautgeschichte. Budapest; 1917. (In German)
 24. Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. Helsingfors; 1893. (In German)
 25. Posti L. From Pre-Finnic to Late Proto-Finnic: Studies on the Development of the consonant system. *FUF*. 1953; Bd. 31: 1–91.
 26. Posti L. Grundzüge der livischen Lautgeschichte. *SUST*. Helsinki, 1942.
 27. Setälä EN. Yhteissuomalainen äännehistoria. Helsinki; 1899. (In Finnish)
 28. Steinitz W. Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus. Stockholm; 1944. (In German)
 29. Szinnyei J. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Leipzig; 1922. (In German)
 30. Zhivlov M. Studies in Uralic vocalism III. *Vestnik RGGU. Seria: Filologičeskie nauki. Iazykoznanie. Voprosy iazykovogo rodstva* = Bulletin of the RSUH. Series: Philology. Linguistics. Language related issues. 2014; 16 (138): 113–148. (In English)

Submitted 14.04.2019, published 12.08.2019